

К вопросу о происхождении суффикса -унъ (-унь) в славянских языках

А. ЗОЛТАН

(ZOLTÁN András, ELTE Orosz Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

1. В связи с этимологией венгерского слова *karácsony* ‘рождество’ нам пришлось остановиться, в частности, на вопросе о происхождении якобы праславянского суффикса *-ипъ*, так как большинством исследователей наличие этого суффикса в праславянском принимается без всяких оговорок несмотря на то, что достоверных свидетельств в пользу существования слов с суффиксом *-ипъ* в праславянском практически нет (ср. наши предварительные наблюдения на эту тему в статьях: Золтан 1991 и 1992), и указанный славянский суффикс не имеет убедительных параллелей в других индоевропейских языках (ср. Войтыла-Свежовская 1974, 59, Славский 1974, 135, Вайан 1975, 626).

Мысль о позднем появлении суффикса *-ипъ/-ипь* в славянских языках и о его неславянском (романском) происхождении была выдвинута впервые А. Вайаном, который полагал, что данный славянский суффикс был заимствован из романского (латинского) суффикса *-ōn-* с двоякой (твердой и/или мягкой) адаптацией в славянском, откуда параллельные формы р.-цсл. *бѣгоунъ* и *бѣгоунь*, ст.-чешск. *běhún* и *běhúň*, слвц. *behún* и *behúň* (Вайан 1958, 149 – 150; ср. также Вайан 1974, 626). Точка зрения А. Вайана в работах по славянскому словообразованию или просто игнорируется (см., напр.: Ковалик 1958, 59 – 60, Варбот 1969, 85, Славский 1974, 134 – 135, Кипарский 1975, 261) или отвергается на том основании, что отлагольные существительные с этим суффиксом распространены прежде всего в восточнославянском ареале, где меньше всего можно считаться с воздействием со стороны романских языков (см. Войтыла-Свежовская 1974, 59, примеч. 39). Против мысли о неславянском происхождении суффикса *-ипъ* очень резко выступил О. Н. Трубачев: «Словообразовательная модель на *-ипъ* характеризуется народностью и исконностью образования, хотя в числе ее производных есть и образования высокого социального, культового ранга, ср. прежде всего **peripnъ* [...]. Странно поэтому читать утверждения, что суф. *-ипъ* – это по большей части заимствованный формант, вызванный к жизни иноязычными образцами вроде роман. (лат.) *-ōn-* [...]» (ЭССЯ 11, 57 с. в. *korčinъ*) Соглашаясь с тем, что суффикс *-ун* отличается высокой продуктивностью в восточнославянских

языках, прежде всего в русском языке, и там он характеризуется народностью, поскольку большинство слов с этим суффиксом относится к разговорной, даже просторечной лексике, в настоящей статье я хотел бы поднять вопрос о том, может ли это обстоятельство одновременно свидетельствовать и об исконности этой словообразовательной модели в восточнославянском?

2. Этот вопрос нам представляется тем более правомерным, что тезис о народности и исконности данной словообразовательной модели памятниками древнерусской письменности не подтверждается. Если оставить пока в стороне проблематичные с точки зрения этимологии др.-русск. *корочонъ* ‘зимний солнцеворот’ и *Пероунъ*, ‘языческий бог-громовержец’, отглагольных имен деятеля с суффиксом *-унъ* за древнерусский период (XI—XIV вв.) засвидетельствовано очень мало. Согласно монографии Ж. Ж. Варбот (1969, 85), сюда относятся всего лишь три существительных: *бѣгунъ*, *вѣдунъ* ‘колдун, знахарь’, *бліскунъ* ‘мак’ (к *бліскати* ‘блестеть’); к ним автор добавляет еще два существительных, засвидетельствованных, однако, позднее XIV в.: *кликунъ* и *падунъ* ‘водопад’ порог’. По ДРС *кликунъ* ‘тот, кто громко кричит’ в памятниках отмечается с конца XVI в. (7, 171), а *падунъ* ‘проток (между двумя водоемами): приток, ручей (впадающий в реку)’ — со второй половины XV в. (14, 120). Сомнение вызывает, однако, и принадлежность слов *вѣдунъ* и *бліскунъ* к древнерусской лексике XI—XIV вв. Дело в том, что слово *вѣдунъ*, хотя оно и засвидетельствовано под 1227 г. в Никоновской летописи (ДРС 2, 50), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в.; слово же *бліскунъ/блѣскунъ* ‘мак’ засвидетельствовано всего лишь в одном единственном памятнике (и то церковнославянского характера) начала XVI в. (1512 г., Срезн. I, 115).

Замечу, что в некоторых исследованиях к существительным с суффиксом *-ипъ* относят еще и **rěstunъ*, слово несомненно праславянского происхождения (так напр.: Войтыла-Свежовская 1974, 57, Славский 1974, 134, Борковский 1974, 37, Одинцов 1980, 189, Зализняк 1985, 149). Существительное это, однако, связано чередованием гласного с глаголом **pitati*, значит, суффиксом здесь выступает не *-ипъ*, а *-ипъль* (**poit-toum-*, см. С. – А. 205, Кипарский 1975, 261, Фасмер III, 251).

Таким образом, единственным достоверным примером отглагольного имени деятеля с суффиксом *-ипъ* во всем восточнославянском материале за весь древнерусский период (по XIV в.) оказывается существительное *бѣгунъ*, которое уже в силу этого обстоятельства приобретает ключевое значение для решения вопроса об исконности данного суффикса в восточнославянском. Небезынтересно в связи с этим указать, что вывод В. Кипарского о праславянском происхождении русского суффикса *-ун* опирается фактически на это единственное слово (помимо „народности“ этой словообразовательной модели в русском языке начиная с XVII в.): «Die große Volkstümlichkeit der Deverbativa auf -ун und die Tatsache, daß einige von ihnen gemeinslavisch zu sein

scheinen (so sind z. B. altr. бѣгунъ, altp. *biegun* und tsch. *běhoun* ‘Schnellläufer’ schon im 14. Jh. belegt), sprechen für ihren jedenfalls urslavischen Ursprung» (Кипарский 1975, 261). Характерно, что ученый, который впервые обратил внимание на то, что „народность“ этой словообразовательной модели в русском языке датируется только XVIII в., поколебался отказаться от ее „искonnности“ из-за наличия в древнерусских текстах единственного слова, построенного по этой модели и имеющего относительно древние соответствия в некоторых других славянских языках.

3. В связи с этим возникает вопрос: тождественно ли современное русское слово *бегун* с основным значением ‘тот, кто хорошо бегает’ слову *бѣгунъ* древнерусских текстов, которое имело основное значение ‘беглец’? Имеется ли непосредственная преемственность между этими двумя разными значениями? Если нет, то „народность“ данной модели не может объясняться ее „исконностью“, а какими-то другими причинами; если да, то следует выяснить, что вызвало невероятную продуктивность этой модели в более новое время.

3.1. Слово *бѣгунъ* (реже также *бѣгоунъ*) представлено большим количеством примеров в словаре Срезневского, а также в новом Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) в значении ‘беглец’, начиная уже с XI в. Нельзя, однако, не заметить, что все без исключения фиксации слова *бѣгунъ*/ *бѣгоунъ* в этих словарях извлечены из церковнославянских текстов, преимущественно переводных, в которых оно передает греч. *φυγάς* или *δραπέτης* (ср. Срезн. I, 213, СДР I, 355).

Именно как буквальный перевод греч. *φυγάς* попало *бѣгунъ* в русско-церковнославянский текст Библии (ОБ: Ивда^М супротивники твои вѣгѹнки — Исх. 23, 27, ср. LXX: *καὶ δώσω πάντας ἑπεινάτίονς πον φυγάδας*; ср. свободный русский перевод Синодального издания: «и буду обращать к тебе тыл всех врагов твоих») и уже оттуда — в «Лѣзіконъ славенорѡскій и именъ тлькованіе» П. Берынды 1627 г.: *бѣгунъ: волоциуга* (стлб. 17, см. Нимчук 1961, 13), а вовсе не из рукописного азбуковника «Толкованіе неудобъ познаваемъ въ писаныхъ рѣчемъ», как полагает В. В. Нимчук (1980, 116), ведь у Берынды имеется точная ссылка на приведенное выше место Библии. В XV—XVII вв. *бѣгунъ* ‘беглец’ отмечается в летописях и других исторических сочинениях, но ни разу не засвидетельствовано в памятниках деловой письменности (ср. ДРС I, 87). Слово *бѣгунъ* в значении ‘беглец’ приводится Словарем русского языка XVIII века с характеристикой «слово, выпавшее из употребления» (СРЯ XVIII в. I, 156; ср. также ССРЛЯ I, 309). Таким образом, слово *бѣгунъ* ‘беглец’ в памятниках русской письменности XI—XVIII в. мы должны считать принадлежностью не восточнославянской, а книжной, церковнославянской лексики, то есть оно (в данном значении и в данный период) не характеризовалось ни «народностью», ни «исконностью».

Происхождение слова *бѣгунъ/бѣгоунъ* в церковнославянском языке русской редакции представляется несколько загадочным, так как его нет ни

в канонических памятниках старославянского языка (ср. С.—А.), ни в древних памятниках южнославянских языков; с.-х. *bjēđūn* ‘беглец’ на протяжении XIV—XVI вв. отмечается только в сербских памятниках (РХС I, 378), поэтому оно там представляет собой скорее всего заимствование из церковнославянского языка русской редакции; поздние же формы (XVIII—XIX вв.) с.-х. *bēgūn*, *bjēgūn* ‘беглец’, словен. *beđūn*, болг. *бегун* ‘то же’ (ЭССЯ 2, 60) были заимствованы, по всей вероятности, из позднего русско-церковнославянского («славянорусского») прямо или (в случае хорватского и словенского) через посредство «славяносербского», к которому восходят, наверное, и употребляемые в современном сербскохорватском формы *бегунац* и *bjeđūnač* ‘беглец’, засвидетельствованные только с XVIII в. Таким образом, если соответствующие относительно поздние южнославянские слова вполне удовлетворительно могут быть объяснены из р.-цсл. *bēgoūnъ*, то обратное направление заимствования — из южнославянского в русско-церковнославянский — не подтверждается ни лингвогеографическими, ни хронологическими данными, т. е. приходится предположить, что данный церковнославянизм не южнославянского, а западнославянского происхождения.

На происхождение слова *bēgoūnъ* в церковнославянском языке русской редакции может пролить свет единственная его фиксация в Номоканоне, переведенном св. Мефодием в Моравии, но сохранившемся в русском списке XIII в. в составе Устюжской кормчей, где данное слово выступает в качестве юридического термина в сочетании *пъри бѣгоунъ iudicij fugiens*, ‘*fugitivus*’ (СЯС I, 156). На западнославянский ареал, как на первоначальную область распространения славянского образования **bēđūnъ*, указывает и ранняя фиксация ст.-чешск. *běhýn/běhýk* ‘гонец’; ‘беглец’; ‘бродяга’ (с XIV в., Гебаэр I, 35), ст.-польск. *biegun* в сходных значениях (с XV в., ССп I, 88). При этом обращает на себя внимание и то обстоятельство, что старочешское и старопольское слова во всех перечисленных значениях передают латинские отглагольные существительные или субстантивированные причастия, образованные от глаголов со значением ‘бежать’: **bēđítъ* ‘гонец’ соответствует лат. *cursor* (от *curro*), ‘беглец’ — лат. *fugitivus* (от *fugio*), ‘бродяга’ — лат. *profugus* (от *profugio*). (В случае значения ‘гонец’ наряду с лат. *cursor* следует считаться также с влиянием ср.-в.-нем. *loufære, löufare* ‘läufer, laufender bote, cursor’ — Лексер I, 1967.) Имея в виду полное отсутствие слова *bēgoūnъ* в памятниках собственно древнерусского языка, а также в ранних памятниках южнославянских языков, в том числе и старославянского, при наличии его в церковнославянском языке русской редакции с одной стороны, а в старочешском и старопольском с другой, мы приходим к выводу о том, что *bēgoūnъ* в церковнославянском языке — это моравизм, возникший на западнославянской почве под влиянием латинских словообразовательных и семантических образцов и использованный впоследствии для передачи греческих слов со сходной словообразовательной и семантической структурой (*φυγάς*,

δραπέτης). Этот вывод подтверждается еще и тем, что мягкий вариант суффикса *-ипъ/-ипъ* в случае р.-цсл. *бѣгоунъ/бѣгоунь* имеет соответствия только в чешском и словацком языках (см. выше, 1).

3.2. Есть некоторые основания полагать, что современное русское слово *бегун* (1. ‘тот, кто хорошо бегает’, ‘спортсмен, занимающийся бегом’; 2. [устар.] ‘быстрая на ходу лошадь’; 3. [мн. ч.: *бегуны*] ‘машина, устройство для размельчения и смешивания различных материалов, состоящее из двух жерновов’ — СРЯ² I, 67) тоже не собственно русское образование. На это указывают первые его известные фиксации с близким к современному 1-му значению толкованием в т. наз. азбуковниках или алфавитах, т. е. рукописных словарях иностранных слов XVII в. («Бѣгунъ борзоходец или ходок» — ДРС I, 87; бѣгъ — ходец — Ковтун 1975, 273, Нимчук 1980, 116; *бегунь*, ходец или борзоходец — Ковтун 1977, 89), свидетельствующие о том, что в XVII в. *бегун* в этом значении в великорусском считалось словом иностранным и малопонятным, так как иначе оно не нуждалось бы в толковании. Несмотря на предельную сжатость толкований в азбуковниках совершенно ясно, что объясняется в них не церковнославянское слово со значением ‘беглец’, а новое слово со значением ‘быстро передвигающийся’,ср. *борзоходец* ‘ходок, скороход’ (Даль² I, 115); *ходок* ‘кто много, хорошо, быстро или охотно ходит, легкий на ногу, неутомимый на ходу’; *ходец* (стар.) ‘ходок; пешеход’ (Даль² IV, 556—557). В одном из таких рукописных словарей XVII в. (Алфавит иностранных речей) имеется даже прямое указание на происхождение этого — тогда еще «иностранныго» для русских книжников — слова: заглавное слово *бѣгонъ*, толкуемое словом «борзоходец», снабжено здесь пометой «пол», т. е. польское. В современном же 2-м (ныне устаревшем) значении (‘быстрая на ходу лошадь’) *бѣгънъ(ъ)* впервые засвидетельствовано в рукописном пособии по коневодству «Гиппика», переведенном с польского в 1685 г. (см. Одинцов 1980, 189—190). В 3-м, техническом значении Словарем русского языка XVIII в. это слово еще не отмечается, но известно, что в старобелорусский язык XVI—XVII вв. *бегунъ, бекгунъ* как раз в некоторых технических значениях было заимствовано из польского, о чем свидетельствует смычный звук *г* в старобелорусском (Булыко 1972, 39, ЭСЕМ I, 341) и в современных белорусских говорах (СБГ I, 178—179). Следует отметить, что все эти значения, причем обычно раньше, чем в русском, засвидетельствованы в истории слова *biegun* в польском языке (ср. 1. ‘biegacz, zawodnik w biegach, stadiodromos’ — СП II, 130; 2. ‘koń biegun, woźnik, rumak’ — Линде I, 104; ‘rumak bystry’ — Варш. Сл. I, 149.; 3. ‘czop, walek, na którym się co obraca’: *biegun u wrót, biegun młyński, płoza lukowata do bujania, kołysania*’ — Линде, Варш. Сл., указ. м.). При этом последнем следует учесть и косвенное свидетельство белорусских данных о наличии этого значения у польского слова уже в XVI в. Значение ‘колышек, на котором что-либо вращается’ (*двери на бѣгунахъ*) засвидетельствовано также в памятниках староукраинского языка

(1598 г., АЮЗ II, 200, ср. ЭССЯ 2, 61). Нельзя упускать из виду, что все эти значения имеются или имелись в прошлом также у нем. *Läufer* (см. Гримм VI, 326–328), так что весьма вероятно, что польск. *biegun* в перечисленных значениях калькирует это немецкое слово.

Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что русск. *бегун* в современных своих значениях восходит также к западнославянским источникам, но не через церковнославянское посредство к чешско-моравской лексике, как это имело место в случае *бѣгоуңь* ‘беглец’, а через украинско-белорусское посредство и/или прямо к польскому *biegun*.

4. На основе приведенного материала можно с уверенностью констатировать, что общеславянское распространение образования **bēgūnъ* объясняется не его праславянской древностью, а его миграцией — то книжным, то устным путем — из одного славянского языка в другой. Если даже это единственное отглагольное имя деятеля с суффиксом **-iпъ*, засвидетельствованное в древних памятниках нескольких славянских языков, не может быть причислено к праславянскому лексическому фонду, то, несмотря на всю «народность» этой словообразовательной модели в современных восточнославянских языках, ссылки на ее «исконность» теряют всякий смысл: «дискредитировавшийся» суффикс **-iпъ* не может использоваться в качестве доказательства праславянского характера таких спорных с точки зрения этимологии слов как **korčinъ* и **peruinъ*.

Цитируемая литература

- АЮЗ — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией I—II. Санкт-Петербург 1863—1865.
- Борковский (ред.) 1974 — Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. Авторский коллектив: Е. Н. Прокопович, В. Н. Хохлачева, Н. Т. Шелихова. Отв. ред. В. И. Борковский. Москва 1974.
- Булыко 1972 — А. М. Булыка, Даўнія запазычаніі беларускай мовы. Мінск 1972.
- Вайан 1958 — A. VAILLANT, Grammaire comparée des langues slaves II/I. Lyon—Paris 1958.
- Вайан 1974 — A. VAILLANT, Grammaire comparée des langues slaves IV, La formation des noms. Paris 1974.
- Варбот 1969 — Ж. Ж. Варбот, Древнерусское именное словообразование. Москва 1969.
- Варш. Сл. — Słownik języka polskiego. Ułożony pod red. J. KARŁOWICZA, A. KRYŃSKIEGO i W. NIEDŹWIECKIEGO. I—VIII. Warszawa 1900—1927.
- Войтыла-Свежковская 1974 — M. Wojtyla—Świerżowska, Prasłowiańskie nomen agentis. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1974 (= Monografie Slawistyczne 30).
- Гебауэр — Slovník staročešský. Napsal J. GEBAUER. I—II. Praha 1903—1916.
- Гримм — J. GRIMM, W. GRIMM, Deutsches Wörterbuch I—XVI. Leipzig 1854—1960.
- Даль² — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV. Санкт-Петербург—Москва 1880—1882.
- ДРС — Словарь русского языка XI—XVII вв. I—. Москва 1975—.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк, От праславянской акцентуации к русской. Москва 1985.
- Золтан 1991 — ZOLTÁN A., Karácsony: Emlékkönyv Benkő Loránd hetvenedik születésnapjára. Szerk. HAJDÚ M. és Kiss J. Budapest 1991, 664—670.
- Золтан 1992 — А. Золтан, Заметки о суффиксе *-iпъ* в славянских языках: Труды по славяноведению — Szlavistikai tanulmányok. Szerk. ZOLTÁN A. és HOLLÓS A. közreműködésével Nyomárkay I. Budapest 1992, 172—180.

- Кипарский 1975 — V. KIPARSKY, Russische Historische Grammatik, III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg 1975.
- Ковалик 1958 — І. І. Ковалік, Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами, 1. Львів 1958.
- Ковтун 1975 — Л. С. Ковтун, Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Ленинград 1975.
- Ковтун 1977 — Л. С. Ковтун, Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Ленинград 1977.
- Кохман 1975 — S. KOCHMAN, Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII wieku. Warszawa—Wrocław 1975.
- Лексер — M. LEXER, Mittelhochdeutsches Handwörterbuch I—III. Leipzig 1872—1878.
- Лінде² — S. B. LINDE, Słownik języka polskiego I—VI. Lwów 1854—1856.
- Нимчук 1961 — Лексикон словенороський Памви Беринди, Надрук. з вид. 1627 р. фотомехан. способом. Підгот. тексту і вступ. стаття В. В. Німчука. Київ 1961.
- Нимчук 1980 — В. В. Німчук, Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ 1980.
- ОБ — Біблія сир'є книги ветхого и нового зав'єта, по языку словенску. [Острог] 1581. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года осуществлено под наблюдением И. В. Дергачевой (. . .). Москва—Ленинград 1988.
- Одинцов 1980 — Г. Ф. Одинцов, Из истории гиппологической лексики в русском языке. Москва 1980.
- РХС — Rječnik hrvatskoga i srpskoga jezik. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. I—XXIII. Zagreb 1880—1976.
- С.—А. — L. SADNIK, R. Altgeltmüller, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg—s-Gravenhage 1955.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходній Беларусі і яе пагранічча I—. Мінск 1979—.
- СДР — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) I—. Москва 1988—.
- Славский 1974 — Fr. SŁAWSKI, Zarzys słownictwa prasłowiańskiego: СПрасл 1, 43—141.
- СП — Słownik polszczyzny XVI wieku I—. Wrocław—Warszawa—Kraków 1966—.
- СПрасл — Słownik prasłowiański. Pod red. Fr. SŁAWSKIEGO. I—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1974—.
- Срезн. — И. И. Срезневский, материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. Санкт-Петербург 1893—1903.
- СРЯ² — Словарь русского языка I—IV. Москва 1981—1984.
- СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века I—. Ленинград 1984—.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка I—XVII. Москва—Ленинград 1984—1964.
- ССТП — Słownik staropolski. Red. St. URBAŃCZYK. I—. Warszawa (—Wrocław—Kraków—Gdańsk) 1953—.
- СЯС — Slovník jazyka staroslověnského. Hlavní red. J. KURZ. I—. Praha 1958—.
- Фасмер — M. Фасмер, Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—IV. Москва 1964—1973.
- ЭСБМ — Этимологичны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. У. Мартынаў. 1—. Мінск 1978—.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, Общеславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. 1—. Москва 1974—.